

Демонтаж «умеренных» сегментов в США и Иране как прелюдия к прямому силовому столкновению

Комментарий Центра АРВАК, 28.08.2026

Аннотация

АРВАК анализирует необратимый демонтаж «умеренного» сегмента иранской политической системы, знаменующий переход Тегерана от реактивной оборонительной стратегии к тактике инициативной эскалации. Консолидация власти вокруг Верховного лидера Моджтабы Хаменеи и КСИР, происходящая на фоне беспрецедентного внешнего давления администрации Дональда Трампа, практически полностью устраняет институциональные фильтры дипломатического маневра. В комментарии раскрываются последствия реализации стратегии «геополитического тарана», при которой стороны последовательно исключают умеренных посредников из процесса принятия решений, что переводит ирано-американское противостояние в фазу прямого силового столкновения.

Ключевые слова: Иран, КСИР, Моджтаба Хаменеи, США, Дональд Трамп, Южный Кавказ, TRIPR, реформисты, экономическая война, геополитическая эскалация, «геополитический таран».

1. Раскол элит: закат «голубей» и консолидация «ястребов»

В ответ на объявленную президентом США Дональдом Трампом «беспрецедентную в истории широкомасштабную экономическую войну» против Ирана внутри Исламской Республики резко обострился раскол. Внутреннее противостояние разворачивается между реформистским крылом, включающим президента, правительство и руководство парламента, и блоком консерваторов, объединяющим высшее духовенство и генералитет Корпуса стражей Исламской Революции (КСИР).

В начале августа 2026 года вновь открыто заговорили об остром расколе во властных структурах Ирана. Сеййид Мохаммад-Багер Харрази, возглавляющий иранскую ветвь «Хезболла» и близкий к высшему руководству ИРИ, заявил, что аятолла Моджтаба Хаменеи «прямо и официально» дал понять президенту Масуду Пезешкиану: очередное заявление об уходе будет удовлетворено без промедления. По словам Харрази, Пезешкиан порядка «28 раз» подавал прошение об отставке или угрожал уйти с поста. Подобные действия расценивались как попытка политического давления на Верховного лидера с целью отстоять внешнеполитическую линию реформистов на переговорах с Вашингтоном. Однако Верховный лидер больше не собирается делать уступки реформистскому крылу. Если их команда откажется следовать курсу консерваторов, верховная власть готова окончательно вытеснить реформистов из политической системы, фактически указав им «на дверь».

По информации Харрази, имам Хаменеи также планирует кадровые перестановки в Высшем совете национальной безопасности. В частности, рассматривается вопрос об освобождении Голамали Золькадра от занимаемого поста и назначении на должность главы совета Мохсена Резаи, занимающего более радикальную позицию в отношении американо-израильского союза. Кроме того, Моджтаба Хаменеи отстранил главу МИД Аббаса Аракчи от участия в переговорном процессе с представителями США.

На фоне широкого резонанса в СМИ президент Масуд Пезешкиан 04.08.2026 г. выступил с видеообращением, категорически опровергнув сообщения о своей отставке. Он заверил граждан, что в случае подобного шага объявление последует лично от него. При этом Пезешкиан заявил, что на данный момент уходить не планирует и «намерен

бороться». Отклоняя утверждения о расколе во власти, Пезешкиан заявил, что «некоторые круги» намеренно фабрикуют слухи о его конфликте с Верховным лидером. Президент также отверг информацию о трениях с военным командованием. В то же время он признал, что в случае возникновения гипотетических разногласий с высшим руководством Вооруженные силы однозначно поддержат аятоллу Моджтабу Хаменеи. Пезешкиан подчеркнул, что «все в Иране об этом знают», рассчитывая тем самым наглядно продемонстрировать свою полную лояльность духовному лидеру и силовым структурам.

В то же время заявления реформистского крыла, представленного главным образом в гражданских органах управления ИРИ, об отсутствии конфликта с Верховным лидером, Советом экспертов и командованием КСИР, расходятся с действительным положением дел. Об этом наглядно свидетельствуют регулярные выступления генералов КСИР и представителей иных силовых ведомств, жестко критикующих чрезмерную уступчивость и мягкость иранских представителей на переговорах с США по выработке «Меморандума о взаимопонимании».

Помимо президента Масуда Пезешкиана, напрямую не участвовавшего в диалоге, основной удар критики пришелся на главу МИД ИРИ Аббаса Аракчи и председателя Меджлиса Мохаммада-Багера Галибафа. При этом именно Галибаф, по мнению аналитиков, выступал ключевой фигурой среди «умеренных» деятелей, превосходя по фактическому влиянию даже формально второго человека в государстве – М. Пезешкиана. Подобный политический вес спикера парламента лишь усилил напор со стороны силовиков. Ситуацию усугублял и тот факт, что до начала военного конфликта с США и Израилем Галибаф придерживался консервативного курса и жестких антизападных взглядов. Внезапная трансформация его позиции спровоцировала глубокое недоверие и резкое неприятие в среде иранских военных.

В Вашингтоне, напротив, рассматривали спикера Меджлиса как наиболее договороспособного и удобного партнера по диалогу. Как сообщало агентство *Axios* со ссылкой на информированный источник в администрации США в апреле 2026 года, американской стороне удалось прийти к компромиссу и выработать базовые параметры мирного соглашения с командой Галибафа. Однако ключевым барьером на пути реализации этих договоренностей стал командующий КСИР Ахмад Вахиди. В последний момент «иранцы сдали назад» от достигнутых соглашений, что, как выяснилось позже, явилось прямым следствием жесткого давления со стороны руководства КСИР.

2. Южнокавказский акцент: проект TRIPP как новая «красная линия»

Влияние иранских силовых структур на дипломатический корпус и гражданское руководство ИРИ наглядно проявилось и в контексте армянского вектора. Саргис Ханданян, председатель Парламентской комиссии НС РА по внешним связям, 11 августа 2026 г. утверждал, что «*между Арменией и Ираном достигнуто взаимопонимание по проекту TRIPP*». По всей видимости, данная позиция опиралась на консультации с МИД Ирана и окружением президента Масуда Пезешкиана. Последний, оценивая Вашингтонские договоренности Еревана и Баку от 8 августа 2025 года, заключенные при участии США, не раз подчеркивал, что рассматривает TRIPP не как угрозу для Тегерана, а как инструмент диверсификации северных торговых путей Ирана.

Однако 15.08.2026 г. бывший главнокомандующий КСИР, ныне старший советник главкома ВС ИРИ генерал-майор Рахим Сафави заявил, что иранская сторона не достигла реального взаимопонимания и точки соприкосновения с Ереваном по вопросу TRIPP и по-прежнему считает этот логистический проект в корне противоречащим интересам безопасности Ирана. Сафави сравнил TRIPP с ситуацией в Персидском заливе, где Тегеран также выступает против какой-либо формы присутствия США, а следовательно маршрут по армянской территории, находящийся под контролем Вашингтона, является *«красной линией»* для Исламской Республики. Тем самым, опровергнув заявление армянского депутата, генерал-майор КСИР дал понять, что реальная власть в Тегеране в лице духовенства и силовиков не считается с позицией администрации Пезешкиана и иранского МИД и не намерена придерживаться договоренностей, которые, с высокой степенью вероятности, были предварительно достигнуты по вопросу TRIPP.

Таким образом, прослеживается четкая тенденция: радикальное крыло и высшее руководство КСИР бескомпромиссно отстаивают максималистский курс, занимая жесткую позицию по отношению к реформистам, которые выступают за более гибкий диалог с США. По всей видимости, беспрецедентное усиление давления на гражданские властные структуры связано с тем, что Моджтаба Хаменеи получил возможность полноценно исполнять функции Верховного лидера. В период, когда новый рахбар физически и психологически не мог полноценно исполнять свои обязанности (по некоторым данным, Советом экспертов он был избран, находясь с февраля 2026 г. в коме из-за тяжелого ранения, получившего в ходе американо-израильской военной операции), консерваторы сознательно выжидали. Они избегали излишнего давления на реформистский блок в вопросах переговоров с Вашингтоном, понимая, что спровоцированное обострение внутри властной верхушки несет огромные риски. Не имея прочной опоры и не будучи способными просчитать реакцию элит и общества на отстранение умеренных сил от рычагов управления, консерваторы, стремясь выиграть время, имитировали для США готовность Тегерана к уступкам. Однако перегруппировка ресурсов и официальное вступление Моджтабы Хаменеи в должность позволили им утвердить свое полное доминирование во внутривластном поле Ирана, наглядно продемонстрировав и собственной общественности, и Западу, кто в действительности контролирует ситуацию в стране и диктует условия переговоров.

Выступление президента М. Пезешкиана, пытавшегося оправдать свою позицию и продемонстрировать отсутствие противоречий с верховным руководством и КСИР, поначалу создало впечатление, что тема внутреннего *«двоевластия»* исчерпана. Тем не менее, как только Дональд Трамп и глава американского Минфина Скотт Бессент анонсировали *«беспрецедентную по масштабам и жесткости»* программу санкций, Пезешкиан снова вынес в публичную плоскость вопрос о срочном заключении мира с Вашингтоном и Тель-Авивом. Он призвал опереться на параметры, ранее выработанные Галибафом и Аракчи, которые впоследствии были отклонены Хаменеи и его окружением. Действующий глава государства открыто призвал высшее руководство ИРИ оформить договоренности с США, чтобы *«выйти из конфликта с позиции достоинства, пока ситуация не стала необратимой»*. К этой позиции присоединился экс-президент Ирана Мохаммад Хатами (1997–2005 гг.), предупредивший о рисках глубочайшего экономического кризиса при отказе от диалога. Спикер парламента Галибаф также прокомментировал новые санкции,

однако его риторика оказалась ближе к жесткому курсу консерваторов: он констатировал, что Вашингтон окончательно осознал неэффективность силового давления на Тегеран и перешел к единственному оставшемуся средству – экономическому, для нейтрализации которого *«Тегеран должен выработать план преодоления несправедливых санкций»*.

Таким образом, раскол в иранском истеблишменте между реформистами и консерваторами (которых на Западе часто именуют *«умеренными»* и *«радикалами»*) проявился с новой силой. Несмотря на жесткий нажим оппонентов и угрозу полной изоляции, умеренные круги предприняли попытку оспорить ключевую линию консервативного руководства. Большинство зарубежных обозревателей объясняют эту активность опасениями иранских реформистов и связанных с ними бизнес-элит перед угрозой полной изоляции Персидского залива и повсеместного замораживания любых финансовых и торговых связей с Ираном. Однако вне поля зрения экспертов осталось еще одно ключевое обстоятельство, ставшее главным источником тревоги для умеренного крыла. Речь идет о планах тегеранских радикалов перейти к новому этапу противостояния с США и впервые взять на себя роль инициатора боевых действий, отказавшись от привычной тактики нанесения лишь ответных ударов. В среде реформистов сознают, что Д. Трамп способен в присущем ему стиле через пару дней отменить жесткие санкционные меры, что уже случалось в мировой практике. Поэтому их беспокоит не столько новый пакет санкций Скотта Бессента, сколько провоцируемая Тегераном военная эскалация, остановить которую американскому президенту будет не под силу даже при наличии такого желания.

3. От обороны к инициативе: смена военной доктрины КСИР

Из иранских источников 17.08.2026 г. стало известно о намерении КСИР пересмотреть военную доктрину страны. Сместив я вектор с исключительно оборонительной стратегии на активные наступательные действия, политический заместитель командующего КСИР бригадный генерал Ядулла Джавани подчеркнул: во имя защиты суверенитета, укрепления региональной безопасности и нейтрализации внешних угроз военные структуры предпримут исчерпывающие шаги в наилучший момент. В тот же день высокопоставленный иранский чиновник подтвердил западным медиа переход к полностью наступательной линии. Он указал, что Тегеран намерен выдвинуть Вашингтону ультиматум с требованием подписать и в точности соблюдать «Меморандум о взаимопонимании» в течение нескольких недель, предупредив, что провал дипломатического процесса неизбежно приведет к эскалации в Ормузском проливе и на всем Ближнем Востоке. Уже 18.08.2026 г. агентство *Reuters* подтвердило эту информацию: Тегеран передал США через Катар и Пакистан требование возобновить серьезные переговоры и снять морскую блокаду под угрозой расширения масштабов войны.

Таким образом, Тегеран впервые в истории противостояния с США перехватил инициативу, заняв позицию стороны, диктующей условия и оказывающей открытое давление через угрозу применения силы. Данный беспрецедентный шаг власти США предпочли оставить без комментариев. В то же время тревожная реакция иранских умеренных кругов – в частности, Масуда Пезешкиана и Мохаммада Хатами – свидетельствует о предельной решимости консервативного крыла. У них есть все основания полагать, что ультиматум руководства ИРИ и генералитета КСИР

представляет собой не очередной акт информационной борьбы или привычную риторику максималистских угроз, а вполне реальное и серьезное предупреждение.

Данная жесткая линия обусловлена тремя ключевыми факторами:

1. Осведомленность военного командования Ирана о том, что вооруженные силы США не способны вести длительную войну на Ближнем Востоке с прежней интенсивностью.
2. Учет политической уязвимости Дональда Трампа и позиций Республиканской партии в преддверии осенних промежуточных выборов.
3. Крайне радикальный настрой Моджтабы Хаменеи и его окружения, готовых при определенных обстоятельствах действовать вопреки военной целесообразности и политическому прагматизму.

4. Фактор Моджтабы Хаменеи

Именно ключевая фигура нового руководителя страны выступает решающим фактором в данной динамике. Моджтаба Хаменеи возглавил государство в результате трагических событий, первопричиной которых стала гибель членов его семьи, включая его отца – Верховного аятоллы Али Хаменеи – в ходе целенаправленной военной операции США и Израиля. Западный аналитический и политический дискурс систематически игнорирует морально-психологическое состояние нового иранского лидера, а также степень его воздействия на выработку государственного курса. Кроме того, на Западе недооценивают глубинное влияние религиозно-духовной подготовки на личностное становление Моджтабы Хаменеи и его вовлеченность в деятельность эсхатологических структур, сформированных в системе КСИР.

Именно эти обстоятельства побудили наиболее радикальные круги иранской властной элиты добиться выдвижения находившегося в коме Моджтабы Хаменеи на пост Верховного лидера. В нем видели фигуру, чьи персональные установки и сакрально-эсхатологическое видение мировой политики способны обеспечить консолидацию теократической системы и усилить антизападный вектор развития иранского общества.

После восстановления здоровья оправившийся от ранений лидер активно включился в управление государством, в полной мере оправдав расчеты консервативного духовенства и военного командования. Моджтаба Хаменеи занял предельно жесткую, бескомпромиссную позицию, продемонстрировав способность сочетать геополитический прагматизм с глубокими личными переживаниями и травмами. Это сделало его ключевым звеном в процессе сплочения и укрепления *«теократического режима»*.

Именно этим обусловлено предостережение иранских реформистов, глубоко осведомленных об устройстве системы изнутри: внешнеполитическая линия Тегерана стремительно ужесточается, а верховная религиозная власть и руководство КСИР больше не ограничены какими-либо сдерживающими факторами. Уверенный в своих силах, Иран все больше ведом чувством отмщения, которое, вопреки «рациональным» установкам Запада, трансформируется для теократического руководства и общества в фундаментальную геополитическую категорию. Представители умеренных сил высказывают серьезные опасения: вопреки неготовности США отвечать на вызовы Тегерана, очередной военный конфликт под управлением лидеров, руководствующихся

эмоциями и эсхатологическими идеями, способен разрастись до колоссальных масштабов и привести к краху государственности.

Публичные обращения Мохаммада Хатами и Масуда Пезешкиана подчеркивают, что умеренное крыло утратило каналы влияния внутри сложившейся политической конъюнктуры. Будучи фактически исключенными из процесса принятия решений, умеренные силы вынуждены апеллировать к властным институтам через общественность, рассчитывая на ее поддержку и резонанс. Это отчетливо указывает на то, что консервативные элиты окончательно отказались от модели «мнимого двоевластия», которая прежде обеспечивала им гибкость в переговорах и пространство для внешнеполитического маневрирования с Западом.

5. «Геополитический таран»: демонтаж дипломатических фильтров в Тегеране и Вашингтоне

Примечательно, что аналогичные тенденции прослеживаются и в Белом доме: Дональд Трамп, занимающий жесткую позицию в отношении Тегерана, публично отверг сдержанный курс вице-президента Джей Ди Вэнса. Последний предлагал сместить фокус американской стратегии с ликвидации иранской «ядерной программы» на обеспечение стабильности в Персидском заливе и нормализацию цен на мировом рынке углеводородов.

Судя по всему, Вашингтон и Тегеран практически одновременно устраняют из масштабного ближневосточного процесса умеренные политические фракции, через которые они прежде маневрировали в непростом диалоге и успешно подстраивали рамки и условия переговоров. Похоже, данный потенциал для лавирования себя исчерпал, и оппоненты перешли к бескомпромиссному отстаиванию собственных целей, что отражает концепцию «*геополитического тарана*». Будучи не в силах продолжать ведение военных действий, США сделали ставку на курс всеобъемлющего торгово-экономического давления. Со своей стороны, Иран, испытывающий серьезный экономический урон, но уверенный в своей военной мощи и достигший высокой сплоченности населения вокруг радикально-консервативного блока, выдвигает Вашингтону ультиматум, угрожая первично развязать масштабный региональный конфликт. В ближайшее время прояснится, предпочтут ли стороны идти на крайние меры в этой бескомпромиссной борьбе либо одна из них преждевременно отступит от сценария прямого столкновения. Не исключено и их синхронное отступление с повторным – хотя и вынужденным – привлечением умеренных политических сил.